

ОТЗЫВ

**официального оппонента, доктора филологических наук,
профессора кафедры русской литературы Воронежского государственного университета Нагиной Ксении Алексеевны о диссертации
Ибатуллиной Гузели Мртазовны на тему «Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX-XX веков», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности
10.01.01 – русская литература.**

Докторская диссертация Г.М. Ибатуллиной написана в русле одного из актуальных направлений современного литературоведения, связанного с исследованием механизмов развития художественного сознания, рефлексийный тип которого рассматривается автором как основная интенция образотворчества, смысло- и текстопорождения в литературе. На основании интеграции научных достижений в области литературоведения, философии, психологии и лингвистики в работе определяются основные векторы жанрового «движения», описываются базовые жанрообразующие парадигмы русской литературы XIX – XX веков, исследуются функции рефлексии в процессах мифотворчества и демифологизации, а также диалектика взаимоотношений рефлексийного и исповедального типов сознаний как текстопорождающих начал. Концептуальные построения проверяются и подкрепляются анализом художественных текстов Ф.Н. Глинки, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.И. Куприна, Б.Л. Пастернака, М.М. Зощенко, А.А. Ахматовой.

Научная новизна диссертационной работы не вызывает сомнений: в ней дается системное описание процессов образотворчества и смыслопорождения в литературе, понятых сквозь призму художественной рефлексии, что позволяет связать воедино проблемы эволюции художественного сознания,

вопросы жанропорождения, мифопоэтики и интенциональных начал текстопорождения.

Масштаб предпринятого соискателем исследования впечатляет, поскольку задача выявления и описания механизмов текстопорождения, действующих на всем пространстве русской литературы XIX – XX веков, требует чрезвычайно разнообразного и многообразного материала, однако автор проявляет некоторую избирательность в своем подходе: в вопросах жанропорождения его интересуют художественно-рефлексийные потенции жанровой триады, определяемой как «миф – трагедия – мистерия», жанровой диады «мениппея – мистерия», а также сказки и жития. Для анализа избираются в основном небольшие по объему произведения: повести А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна, рассказы Н.С. Лескова, новеллы М.М. Зощенко, исключение составляет роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Возможно, в произведениях малой жанровой формы виднее и отчетливее те художественные процессы, которые прослеживает автор, но открытым остается вопрос: а как же работают выявленные соискателем рефлексийные механизмы в больших текстах, сложных по своей жанровой природе, таких как, к примеру, романы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского (оговоримся, что в поле зрения автора попадает роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в вопросе функционирования в нем софийного археосюжета)? Г.М. Ибатуллина указывает, что в ее задачи не входит следование хронологическим векторам (с. 14), и все же выявление устойчивых парадигм образотворчества должно учитывать общие тенденции развития литературы в период, рамки которого определяются в диссертации именами Ф. Глинки и А. Ахматовой.

Здесь имеется в виду не столько «расширение круга» писателей, которое, с точки зрения Г.М. Ибатуллиной, «неоправданно раздвинуло бы рамки работы» (с. 13), а введение в ее текст знаковых фигур, за именами которых стоят целые периоды развития русской литературы – пушкинский, гоголевский и т.п. Соискатель указывает на то, что художественная рефлексия свой-

ственна уже сентиментальному и тем более романтическому сознаниям, диалогичным по отношению к предшествующим образно-смысловым моделям. Единственной же и, думается, не самой показательной литературной фигурой, репрезентирующей литературу первой половины XIX века, оказывается в работе Ф. Глинка.

Теоретическая значимость диссертации обусловлена установлением особой роли рефлексии как интегрирующего звена для выстраивания единой концептуальной парадигмы основных эстетических категорий, углублением представлений о соотношении текста и культурных кодов, а также возможностью с позиции современной науки исследовать диалектику различных векторов познающего сознания: рефлексийного, мифотворческого и исповедального.

Цель диссертации, которая как раз и состоит в исследовании парадигмы взаимоотношений трех указанных типов сознаний в поэтике русской литературы XIX – XX веков, представляется весомой и научно значимой, как и поставленные для ее решения задачи. Масштабность и достоверность результатов, к которым приходит Г.М. Ибатуллина, позволяют утверждать, что цель была достигнута.

Положения, выносимые на защиту, соотносятся с целью и задачами, поставленными в работе, и получают убедительное воплощение в основном ее корпусе. Уточнения, на наш взгляд, требует положение о признании доминантным в конструировании лирического образа «ассоциативно-медитативного начала» (с. 23), что не учитывает наличия в лирическом произведении различных стратегий идентификации лирического субъекта – от совпадения с автором до подчеркнутого противостояния, предполагающего рефлексийное дистанцирование «Я» от «Другого».

Конкретизации требует и положение о способности феномена жанровой рефлексии «объяснить противоречия, возникающие при определении жанровой природы многих знаковых произведений русской литературы» (с.

24). В качестве примера соискатель предлагает жанр лиро-эпической поэмы. Однако «целый ряд вопросов», которые, с его точки зрения, способна вызвать эта дефиниция, находит только теоретическое решение, повторенное на странице 83. Для прояснения же сути этого тезиса необходим полноценный анализ ряда лиро-эпических произведений, призванный подтвердить теоретические изыскания автора.

Диссертационное исследование Г.М. Ибатуллиной построено на добродушной методологической основе. Отметим, что весь спектр базовых работ нашел отражение в основном корпусе диссертации. Автор демонстрирует мастерство в овладении приемами литературоведческого анализа с использованием методологических базисных понятий. Оперируя широким спектром приемов структурно-семиотического, культурно-типологического, мифопоэтического, сравнительно-исторического методов, Г.М. Ибатуллина предлагает оригинальную интерпретацию произведений писателей XIX – XX веков, проникая в их творческую лабораторию, выявляя глубинные импульсы творчества, основополагающим из которых является рефлексия.

Художественная рефлексия рождается на путях демифологизации сознания, а постмифологическое, или художественное, сознание предполагает «жанровое мышление». Роль художественной рефлексии в процессах жанро-порождения определяется в первой части работы. Совершая подробный экскурс в сопредельные сферы знаний и, в первую очередь, в психологию творческого сознания, Г.М. Ибатуллина обосновывает собственное видение художественной рефлексии, под которой понимает не просто «образно-знаково-символическое отражение реальности, но акты и процессы отражения, взаимо- и самоотражения, существующие в сфере самой художественной реальности» (с. 55).

Приступая к теоретическому описанию системы жанровых моделей с точки зрения художественной рефлексии, соискатель отмечает, что до сих пор литературоведческой наукой не выработано «ни общепринятой класси-

фикации, ни самих принципов подобной классификации системы литературных жанров» (с. 80), указывая на насущную необходимость дать, наконец, полноценную дефиницию жанра, выявить и описать внутренние законы и принципы жанропорождения. В результате жанр определяется как «форма осознания связей и отношений человека с миром <...> посредством образного моделирования этих связей и отношений» (с. 113). Подобное определение позволяет разграничить эпос, драму и лирику, традиционно понимаемые как роды литературы и именуемые автором «жанровыми эйдосами» (с. 116), однако оно представляется слишком общим для разграничения жанров внутри этих групп. Описывая соответственно выявленным в ходе исследования конститутивным принципам названные «жанровые эйдосы», автор демонстрирует различную природу их образов и конфликтов – рефлексийную, игровую и ассоциативно-медитативную. В основу своих построений соискатель ставит мысль о разной степени дистанцирования объекта и субъекта художественного познания. Эпос предполагает «эпическую дистанцию» к миру, драма – «осознание связей человека с другими людьми, с социумом», лирика же предполагает равенство человека с самим собой, в ней «нет дифференциации на субъект и объект» (с. 113). И здесь вновь возникает все тот же вопрос, сформулированный относительно одного из положений, выносимых на защиту: а как быть с так называемой ролевой лирикой, где возникает зазор между автором и лирическим субъектом?

Интересной, на наш взгляд, представляется идея о жанровой полифонии повести А.П. Чехова «Черный монах», анализ жанровой структуры которой призван продемонстрировать, как работают на практике основные теоретические положения автора.

Описание явлений образной и жанровой рефлексии, а также жанровой полифонии в произведениях ряда авторов русской литературы, представленное во второй части, выглядит самым масштабным достижением работы. Убедительно звучит мысль автора о главенствующей роли художественной

рефлексии в диалогическом взаимодействии различных образно-смысовых парадигм: историософского мифа с мифом грехопадения и мифом эсхатологическим в рассказе И.С. Тургенева «Бежин луг», змееборческого и орфического мифов в рассказе И.С. Тургенева «Певцы», архаико-фольклорного мифа и мифа житийно-христологического в повести Ф.М. Достоевского «Кроткая», библейского эртологического мифа, каббалистического мифа о Шехине и египетского мифа о Изиде в повести А.И. Куприна «Суламифь» и пр. Плодотворными представляются наблюдения автора над поэтикой рассказов из цикла И.С. Тургенева «Записки охотника» «Бежин луг» и «Певцы», построенных на взаимоотражениях мифологизированных и «очерковых» принципов изображения, что позволяет увидеть в этих рассказах «смысловые срезы историософии всего тургеневского цикла» (с. 198), тогда как сопоставление героинь Ф.М. Достоевского и Б.Л. Пастернака в свете софийного археосюжета представляется несколько схематичным. В своей символичности автор уравнивает фигуры Лары и Настасьи Филипповны: они «насквозь символичны» (с. 204). Относительно Лары это замечание представляется справедливым, поскольку сам роман Б. Пастернака, полный метафор, преувеличений и совпадений, зачастую рассматривается в литературоведении и как «символистский роман, написанный после символизма», в то время как фигура героини Достоевского, ее роль в произведении куда сложнее, и любое обращение к характерологии Достоевского требует более взвешенных формулировок и развернутой аргументации.

Интерпретация повести Ф.М. Достоевского «Кроткая» с точки зрения функционирования в ней двух жанровых и сюжетных линий, построенных по моделям сказки и жития, позволяет прояснить суть полифонического взаимодействия автора и рассказчика, а также скорректировать осмысление итогов центрального в жизни героя события. К значимым заключениям приводит автора и исследование образно-смысовой рефлексии, проявленной в повести Достоевского «Крокодил» через формы комического остранения ар-

хетипически устойчивых образов и смыслов: эта повесть служит отражением непрерывного взаимодействия процессов деконструкции культурных мифов и нового осознанного мифотворчества, являющегося одним из источников историко-культурного движения.

Рефлексийно-художественный диалог мифа с реальностью становится основой произведений Н.С. Лескова, которые, по наблюдению Г.М. Ибатуллиной, отличает изначальная авторская установка на двуплановость повествования, причем миф, сталкиваясь с реальной действительностью, не разоблачается, а по-новому утверждает в ней свои идеальные смыслы.

Оппозицию Восток – Запад (или Россия – Европа) соискатель прочитывает не только как традиционное противостояние иррационально-метафизического типа сознания рациональному, но и как фундаментальную оппозицию Хаоса и Космоса, реализованную в парадигме солярно-хтонических мифов разных народов и культур. Точкой пересечения разных типов сознаний, в том числе сознаний языческого и христианского, объявляется мифологема чуда. «Укрощение» подкованной тульскими мастерами «нимфозории» трактуется автором как чудо метафизическое – символ победы метафизически-иррационального мышления над рационально-техническим. Этот смысловой узел служит в дальнейшем основой для всех построений автора. Традиционно Г.М. Ибатуллина видит в Левше одновременно национально-исторический тип и героя волшебной сказки, узнавая в косом и леворуком Левше Иванушку-дурачка, «наделенного иным умом и иными дарами, нежели окружающие» (с. 266). Однако автор не учитывает устойчивые негативные ассоциации, связанные в языке и народном сознании с косоглазием и, в первую очередь, с левизной, расцениваемой как признак «неправоты и душевной погибели». Если посмотреть на дело тульяков как на «левое», не превратится ли их победа в поражение и не изменит ли это финальные выводы исследования?

О переакцентуации традиционной для европейской культуры оппозиции «Космос – Хаос» в произведениях А.И. Куприна идет речь в следующей главе работы, содержащей ряд концептуальных наблюдений над реализацией образно-смысловой парадигмы эротологического мифа в повести «Гранатовый браслет», сюжетно-мотивных архетипов волшебной сказки в повести «Олеся» и над диалогическими взаимоотражениями нескольких архетипических сюжетов в повести «Суламифь». Убедительным выглядит анализ комических новелл М.М. Зощенко, в результате которого обнаруживается, что своеобразие их художественного универсума определяет архетипическая жанровая форма мениппеи, чья поэтика сущностно близка изображаемой писателем эпохе. В поэтике театрализации, свойственной произведениям писателя, соискатель видит воплощение принципа художественной рефлексии: благодаря театральности «художественная система рассказов Зощенко моделирует театрально-сценическую и драматургическую модель реальности» (курсив автора. – К.Н.) (с. 32).

В завершающей вторую часть работы главе автор предлагает пути решения чрезвычайно актуальной проблемы жанровой архитектоники романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» с точки зрения принципа художественной рефлексии. Жанровая структура произведения полифонична: в нем рефлексийно взаимодействуют, отражая друг друга, жанровые архетипы биографии, жития и, если воспользоваться определением соискателя, «эйдоса мифа» (с. 367). Эти жанровые «голоса», дополняя друг друга, все же не искажают его собственной «романной» природы, в которую органично вплетаются театрально-сценические и драматические формы, представленные «жанровыми эйдосами мистерии, трагедии и ритуально-театрализованного мифа» (с. 368), а также лирические и молитвенно-поэтические формы, главенствующей из которых становится литургия. Путь, по которому движется автор исследования, нельзя не признать продуктивным: он учитывает существующие в литературоведении наработки и открывает перспективы для новых исследований.

Однако, на наш взгляд, некоторые предположения автора, в особенности касающиеся «литургийной эстетики» произведения, пока остаются в статусе гипотез, поскольку в работе не содержится развернутой аргументации: автор очерчивает только агиографический канон в биографии Юрия Живаго и исследует два эпизода романа, чтобы продемонстрировать, как работает в нем принцип жанровой рефлексии. Уточнения, на наш взгляд, требует и признание «структурной осью» романа именно агиографического, а, к примеру, не мистериального сюжета.

Третья часть диссертации обращена к мало разработанной в современной науке проблеме исповедальности, наряду с рефлексией выступающей в качестве текстопорождающей интенции творческого сознания. Поставленная задача – исследование сущности исповедального сознания – потребовала обращения к его глубинным первоистокам, а именно к акту Покаяния, явленном в Покаянной исповеди. Подобный вектор исследования – на пересечении различных научных направлений – подразумевает создание мощной научной базы работы, однако слишком глубокое погружение в одну из сопредельных сфер чревато уходом от темы исследования или ее подменой. На наш взгляд, такое уклонение от магистральной темы литературоведческого исследования обнаруживается во втором, третьем и четвертом параграфах первой главы третьей части. Более уместным, с нашей точки зрения, стало бы обращение к литературным текстам в жанре исповеди, тем более что на странице 412 «объектом теоретического анализа» соискатель объявляет «исповедь как особую литературно-жанровую форму». Автор упоминает «Исповеди» Бл. Августина, Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстого (а этот список можно было бы и расширить), оговариваясь, что эти произведения «трудно назвать исповедями в собственном смысле слова», и не включает их сопоставительный анализ в текст диссертации, объясняя это тем, что этот анализ «должен составить тему отдельного исследования» (с. 413).

Вызывает сомнения противопоставление позиций Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, о котором идет речь на с. 429-431, не имеющее под собой достаточной аргументационной базы: в диссертации ее составляют не оригинальные тексты писателей, а высказывания Ю.Н. Давыдова, автора монографии «Этика любви и метафизика своеvolutionя: проблемы нравственной философии», являющиеся лишь одной из возможных точек зрения на вопрос о трактовке феномена самоотречения Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским.

Исследование произведений А. Камю, А. Ахматовой и Б. Пастернака, предпринятое автором во второй главе завершающей диссертацию части, не только демонстрирует разнонаправленность исповедального и экзистенциального сознаний, но и показывает, как экзистенциальное мироощущение преодолевается выходом самосознания в сферу «многомерного духовного Универсума» (с. 486). На фоне достаточно удачных развернутых анализов экзистенциального мироощущения и ситуации взаимоотражения «текстовых и антитекстовых» смыслов (с. 490) в стихотворении Б. Пастернака «Рождественская звезда», параграф, посвященный преодолению экзистенциального дискурса в лирике А. Ахматовой (с. 486-491), грешит излишним теоретизированием, не находящим выхода в пространство текстов поэта.

Отметим, что диссертационное исследование Г.М. Ибатуллиной является примером того научного труда, который побуждает оппонента к диалогу, поэтому указанные выше недостатки не могут повлиять на высокую оценку работы в целом. Материалы диссертации могут быть востребованы при чтении вузовских лекционных курсов по истории русской литературы и курсов по выбору, посвященных проблеме художественной рефлексии.

Работа Г.М. Ибатуллиной производит впечатление цельного, самостоятельного, завершенного исследования, оформленного в соответствии с требованиями, предъявляемыми к докторским диссертациям. Основные результаты научных изысканий соискателя получили широкое

отражение в печати, причем публикации адекватно отражают содержание диссертационного исследования. Содержание автореферата соответствует основным положениям и выводам диссертации.

Таким образом, диссертация Гузели Мртазовны Ибатуллиной на тему «Художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX-XX веков» является научно-квалификационной работой, которая соответствует Паспорту заявленной специальности и полностью соответствует критериям, указанным в пп. 9 – 11 и 13 – 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г., № 842, а его автор, Ибатуллина Гузель Мртазовна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Официальный оппонент: Нагина Ксения Алексеевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
Воронежского государственного университета;
адрес: 394006, Воронеж, Университетская пл., 1
тел.: 8(4732)2208498;
e-mail: k-nagina@yandex.ru.

12 октября 2015 г.

